

МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПОЛИТИКЕ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭТИКИ МЕНЬШЕГО ЗЛА*

Нормативная логика меньшего зла и условия ее применения

Один из способов обобщения нормативных основ этики чрезвычайных ситуаций связан с понятием «меньшее зло». Последнее представляет собой технический термин правового дискурса по проблемам необходимой самообороны и крайней необходимости, а также широко присутствует в живом моральном опыте. Этическая теория откликается на последний факт двояко: стремлением уточнить нормативную логику, стоящую за этим понятием, или жесткой критикой любых попыток представить зло (т. е. нарушение нравственного запрета) допустимым и оправданным. Чрезвычайно яркую и хорошо аргументированную критику понятия меньшего зла можно найти в абсолютистской этике ненасилия, столь же абсолютистской этике прав человека, а также в традиционной моральной теологии католицизма, опирающейся на доктрину двойного эффекта¹. Защита данного концепта осуществляется сторонниками утилитаристского понимания политической этики и так называемой «пороговой деонтологии»². Это теоретическое противостояние заслуживает отдельного анализа, который отчасти был осуществлен автором данной работы³. Однако задачи настоящего исследования связаны с теми вопросами, которые возникают лишь в том случае, если понятие меньшего зла, несмотря на все возможные сомнения, все же признается в качестве неотъемлемого инструмента морального мышления. А именно:

1. Что стоит за формулой «выбор меньшего из зол» на уровне практических правил?

2. На фоне каких условий применение этих правил дает оптимальный в нравственном отношении эффект?

Среди попыток дать систематический ответ на эти вопросы выделяется политическая этика чрезвычайных ситуаций американского философа М.Игнатьеффа, ориентированная на моральные проблемы противостояния террористическим угрозам. Ее содержание очень хорошо выражает следующий обобщающий фрагмент: «В той ситуации фактической неопределенно-

* Статья подготовлена в рамках проекта РНП 2.1.3/1809 «Политическая этика: нормативные основания и формы социальной регуляции», осуществляющегося в рамках аналитической ведомственной целевой программы Рособразования «Развитие научного потенциала высшей школы в 2009–2010 гг.».

¹ См., напр: Гусейнов А.А. Сослагательное наклонение морали // *Вопр. философии*. 2001. № 5. С. 15; Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., 2008. С. 50–57; Grisez G. *Against Consequentialism // Proportionalism: For and Against*. Milwaukee, 2000. P. 242–247.

² См., напр.: Nagel T. *War and Massacre // Mortal Questions*. Cambridge, 1990. P. 53–74; Moore M.S. *Torture and the Balance of Evils // Moore M.S. Placing Blame: a General Theory of the Criminal Law*. Oxford, 1997. P. 669–701.

³ См.: Прокофьев А.В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // *Этическая мысль*. Вып. 9. М., 2009. С. 122–145.

сти, в которой приходится принимать большинство решений, связанных с терроризмом, ошибки, скорее всего, неизбежны. Существует соблазнительное предположение, что нравственная жизнь может избежать этой тенденции, просто уклоняясь от применения любых дурных средств. Но в действительности такая ангельская альтернатива отсутствует. Или мы сражаемся со злом, или мы уступаем ему... [Но] если мы прибегаем к меньшему злу, то мы должны делать это, во-первых, в полном сознании того, что совершаемое есть зло. Во-вторых, нам следует действовать лишь в состоянии крайней необходимости, наличие которой можно доказать. В-третьих, мы должны избирать дурные способы действия только в качестве крайнего средства, когда все прочие средства уже испробованы. Наконец, мы должны выполнить и четвертую обязанность: нам следует публично обосновать наши действия и представить их нашим согражданам для вынесения суждения об их правильности»⁴.

Совершенно очевидно, что перечисленные М.Игнатъевым «обязанности» имеют к формуле «выбор меньшего из зол» разное отношение. *Вторая* и *третья* обязанности детализируют ее нормативное содержание в виде критериев принятия общественно значимых решений. Их сочетание предполагает, что нарушение права (запрета) оказывается нравственно допустимым и обязательным лишь в случае угрозы возникновения значительного совокупного ущерба, иными словами, в случае, когда совершение морально предосудительного действия позволяет предотвратить неминуемую катастрофу. Выполнение этих условий становится возможным, если действующим лицом или коллективным органом принятия решений соблюдаются определенные алгоритмы выявления и оценки рисков⁵. *Четвертая* обязанность выступает в качестве внешнего по отношению к процессу принятия решений ограничения, нацеленного на формирование оптимального социально-коммуникативного контекста применения нормативных критериев. И, наконец, *первая* обязанность указывает на должную морально-психологическую установку по отношению к собственным действиям со стороны тех лиц, которые осуществляют выбор в пользу меньшего зла. Эта установка препятствует тому, чтобы с помощью логики меньшего зла оправдывался излишне широкий ряд нравственно сомнительных деяний, чтобы «путь меньшего зла не вел к трагедии или к преступлению»⁶. Иными словами, она препятствует возникновению эксцессов деабсолютизации некоторых нравственных принципов. В данной статье я хотел бы развернуто проанализировать именно эту, первую обязанность.

Следует отдавать себе отчет в том, что ее исполнение не является панацеей от неограниченного роста морально сомнительных действий участников политического процесса. Одностороннее упование на нравственный характер индивида и пренебрежение безличным институциональным сдерживанием зла представляет собой наивную позицию. Она упускает из виду глубокую зависимость индивидуального поведения от его институционального контекста. Эта зависимость является предметом пристального внимания современной психологии морали⁷. Она же становится основой для критики политиче-

⁴ Ignatieff M. The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror. Princeton, 2004. P. 19.

⁵ Обзор и предварительный анализ таких правил см.: Прокофьев А.В. О практической приемлемости логики меньшего зла // Этическая мысль. Вып. 10. М., 2010.

⁶ Ignatieff M. The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror. P. 14.

⁷ См.: Harman G. Moral Philosophy Meets Social Psychology: Virtue Ethics and the Fundamental Attribution Error // Proceedings of the Aristotelian Society. 1999. Vol. 99. P. 315–331; Harman G. The Nonexistence of Character Traits // Proceedings of the Aristotelian Society. 2000. Vol. 100. P. 223–226.

ской этики М.Игнатъеффа⁸. Однако не стоит впадать и в другую крайность. Полное отрицание актуальности вопроса о нравственной личности политика является не меньшей наивностью. Поэтому я предлагаю рассмотреть первую обязанность из списка М.Игнатъеффа в свете той ограниченной, но все же вполне осязаемой роли, которую индивидуальный характер политика играет в сфере принятия общественно значимых решений.

Осознание совершаемого зла: столкновение интерпретаций

Для того чтобы оценить силу этого ограничения эксцессов логики меньшего зла, надо разобраться с тем, что же именно представляет собой «осознание того, что совершаемое есть зло», надо понять, что должен переживать деятель, вынужденно нарушающий нравственный запрет. У философов морали, считающих логику меньшего зла обоснованной, нет единого мнения по этому вопросу. Одна позиция связана с убеждением, что выбор в пользу меньшего зла ни в коем случае не означает совершения «меньшего злодеяния». Ее отчетливо артикулировал К.Нильсен, откликаясь на воображаемую ситуацию, в которой применение пытки может спасти большое количество людей от последствий взрыва бомбы замедленного действия (в современных дискуссиях об ответственности политика и пределах нравственно допустимого в экстремальных ситуациях принято обозначение «случай бомбы с часовым механизмом» (*ticking bomb case*)). **К.Нильсен утверждает, что политик, отдавший приказ о применении пытки, «совершил нечто такое, что было бы морально неправильно – ужасающе неправильно – почти во всех обстоятельствах, однако, в обсуждаемых обстоятельствах оно таковым не являлось... Поступок политика не был правильным и неправильным одновременно. Политик поступил так, как, принимая во внимание все обстоятельства, было правильно поступить. И так как он не совершил ничего морально неправильного, не совершил никакого преступления, он ни в чем не виновен...»⁹.**

Что же в этом случае остается на долю осознания совершаемого зла? Как уже стало понятно, для К.Нильсена оно не может состоять в переживании виновности. Однако тот, кто совершил нечто ужасное для нормальных обстоятельств, не может чувствовать и простого удовлетворения от хорошо исполненного долга. Тот факт, что выбор политика был выбором не между злом и благом, а между большим и меньшим злом, по мнению К.Нильсена, выражается в длительном, остром страдании, в отвращении к совершенному действию, в обостренном *со*-страдании его жертвам, в отсутствии гордости за свой поступок и любых форм его романтизации. Эта комплексная эмоцио-

⁸ См.: *Coady C.A.J. Engagement in Evil: Politics, Dirty Hands, and Corruption // Coady C.A.J. Messy Morality: The Challenge of Politics. Oxford, 2008. P. 98–103.*

⁹ *Nielsen K. There Is No Dilemma of Dirty Hands // Cruelty & Deception: The Controversy over Dirty Hands in Politics / Ed. by P.Rynard and D.P.Shugarman. Peterborough, 2000. P. 141.* По К.Нильсену это описание вполне соответствует целому ряду концепций морального долга: утилитаризму, умеренному консеквенциализму, плюралистической деонтологии в стиле У.Д.Росса, предполагающей, что в конкретных ситуациях исполнение одной из постулируемых моралью обязанностей может всецело отменяться ради исполнения другой. К этому списку можно добавить и католический пропорционализм, критикующий традиционную моральную теологию католицизма, опирающуюся на доктрину двойного эффекта. Пропорционалисты разграничивают «онтическое» и «моральное» зло и связывают действия по принципу меньшего зла исключительно с причинением зла первого рода (см.: *Knauer P. The Hermeneutical Function of the Principle of Double Effect // Proportionalism: For and Against / Ed. by C.Kaczor. Milwaukee, 2000. P. 36.*

нальная реакция выступает в качестве свидетельства достаточной моральной чувствительности политика и в качестве достаточной преграды в отношении легкого и бездумного принятия им решений в трагических ситуациях.

Противоположная позиция предполагает, что действие, совершаемое по принципу меньшего зла, сохраняет статус злодеяния. Оно должно влечь за собой именно вину или, в крайнем случае, стыд. Философы морали оформляют это положение в таких терминах, как «моральная цена» и «неустрашимая моральная неприемлемость» некоторых нравственно оправданных действий, «моральный осадок», остающийся после их совершения (Б. Уильямс), эффект «грязных рук» (М. Уолцер). К этому понятийному ряду я бы добавил еще одно удобное обозначение: «остаточная вина».

Иллюстрируя подобные явления, М. Уолцер приводит ситуацию, в которой политик, искренне преданный определенному видению общественного блага и стремящийся его реализовать в случае победы на выборах, имеет возможность заключить соглашение с коррумпированным муниципальным руководителем, что резко увеличивает его электоральные шансы. Соглашение с коррупционером вызывает у политика сомнения не только потому, что он чувствует себя лично запятанным связью с таким человеком, но и потому, что подобные действия создают риск для его политического проекта. Однако М. Уолцер полагает, что при определенных обстоятельствах политик *должен* вступить в сомнительную сделку. И если он «хороший человек», то он будет после этого не просто чувствовать себя «плохо», он будет чувствовать себя «виновным» в совершении нечестного поступка¹⁰. Для уже знакомого нам, более острого и трагического «случая бомбы с часовым механизмом» М. Уолцер сохраняет ту же самую морально-психологическую диспозицию. Сравнивая политика, отдавшего приказ о применении пытки, с августиновым воином, который чувствует печаль, убивая врага даже в справедливой войне, М. Уолцер предполагает, что «мы имеем право ожидать от него большего, чем одной лишь меланхолии... Он совершил моральное преступление и принял на себя моральное бремя. Теперь он виновный человек. И его готовность признать и нести свою вину (а может быть, раскаяться в ней и попытаться ее искупить) представляет собой свидетельство того... что он не *слишком хорош* для политики, а *достаточно хорош* для нее» (курсив мой. – А.П.)¹¹.

Среди реальных политических контекстов, в которых получил свое воплощение эффект «грязных рук», М. Уолцер упоминает послевоенную оценку участия в военных действиях английской тактической авиации, поддерживавшей войска на линии фронта, и стратегической авиации, которая участвовала в массовых бомбардировках немецких городов. М. Уолцер придерживается мнения, что по крайней мере на первом этапе войны такие бомбардировки были оправданы, поскольку являлись единственным доступным средством нанесения урона противнику и противостояния возможной победе нацизма. Вместе с тем они представляли собой вопиющее нарушение нравственных запретов – «несомненное преступление», которое силой об-

¹⁰ Walzer M. Political Action: The Problem of Dirty Hands // Philosophy and Public Affairs. 1973. № 2. P. 166–167.

¹¹ Ibid. P. 168. В своих более поздних работах М. Уолцер сохраняет ту же позицию, соединяющую предотвращение катастрофических следствий и эффект «грязных рук»: «Сильный в моральном отношении лидер – тот тот, кто понимает, почему убийство невинных людей есть зло и отказывается делать это, отказывается вновь и вновь, пока не приближается момент, когда готовы рухнуть небеса. Тогда он становится моральным преступником... который знает, что он не может делать то, что он вынужден сделать и, в конце концов, все же совершает это» (Walzer M. Emergency Ethics // Walzer M. Arguing about War. L., 2004. P. 45).

стоятельств оказалось единственной альтернативой «неизмеримому злу». М.Уолцер предположил, что именно поэтому действия тактической и стратегической авиации получили разную оценку английского общества и правительства. Командующий стратегической авиацией А.Харрис (по прозвищу «бомбардировщик») не получил статус лорда, ее командный состав испытывал на себе определенные знаки социального ostracism, а сами стратегические авиационные силы не были удостоены почетного знака в Вестминстерском аббатстве с именами погибших летчиков¹². Руководство Великобритании, вполне оправданно лишившее исполнителей своих решений части почета и наград, не признало прямо своей «остаточной виновности» в этих вынужденных злодеяниях. Однако у него были все основания для подобных переживаний и связанных с ними действий. К этой иллюстрации можно добавить несколько отличающийся по своей моральной структуре исторический пример, который используют другие авторы, исследующие проблему грязных рук¹³. Он касается не подтвержденного с полной достоверностью, но вполне возможного решения английского политического руководства или военного командования не противодействовать бомбардировке Ковентри в ноябре 1940 г. из-за боязни продемонстрировать противнику свое знание его секретных военных кодов. Кто бы ни принял это решение (У.Черчилль или офицеры разведывательных подразделений), они совершили действие, несущее явные признаки «неустранимой моральной неприемлемости».

Грязные руки, моральная удача и аксиоматика нравственного сознания

Основная теоретическая проблема, связанная с «моральной ценой» действия, эффектом «грязных рук», «остаточной виной» состоит в том, что они выглядят парадоксально в свете принципов выявления нравственного долга и в свете оснований моральной ответственности. Одним из самых общих принципов выявления долга принято считать кантовскую (или, вернее, кантианскую) формулу: «долженствование предполагает возможность» (*ought implies can*). Возникающее на ее основе правило установления индивидуальной ответственности гласит, что нельзя быть ответственным за те последствия поступка, наступление которых нельзя было предвидеть и предотвратить (правило предвидения и контроля). Это правило применяется к случаям, требующим соотносить единичную нравственную норму с ситуативными ресурсами (или условиями) ее выполнения, а также к случаям конфликта обязанностей, в которых невозможность исполнения того, что требует одна нравственная норма, задана наличием иной нормы, требующей от нас в тот же момент времени чего-то другого. Правило предвидения и контроля часто рассматривается как основа для разграничения ситуаций, в которых действующее лицо подлежит осуждению и в которых оно оценивается как совершающее нравственно допустимый либо одобряемый поступок. Посмотрим, как это правило выполняет свои функции в отношении случаев конфликта обязанностей.

На его основе невозможность исполнения одной из двух нравственных норм признается либо подлинной, либо мнимой. Мнимой она является в том случае, если действующий субъект в прошлом мог предвидеть самую ситуа-

¹² Walzer M. *Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations*. N.Y., 1977. P. 323–324.

¹³ См. напр.: Hollis M. *Dirty Hands // Hollis M. Reason in Action: Essays in the Philosophy of Social Science*. Cambridge, 1996. P. 139–143.

цию конфликта и мог ее избежать. Например, тот, кто дал два взаимоисключающих обязательства, попал в ситуацию конфликта обязанностей в результате необдуманного поступка. Он *мог бы* легко уклониться от такого тупика, прояви он больше внимания к нравственной и фактической стороне своих действий. В силу этого долг выполнить каждую из обязанностей сохраняется за ним в полной мере, а невыполнение какой-то одной из них заведомо влечет за собой моральную ответственность. Схожая ситуация имеет место и в тех случаях, где велик риск того, что свободно взятое обязательство приведет к невыполнению какой-то обязанности, не связанной с договором или обещанием. А. Мур анализирует под таким углом зрения евангельский сюжет о царе Ироде Антипе, давшем обещание, погубившее Иоанна Крестителя. Отсутствие контроля со стороны Ирода над желаниями Саломеи не является в данном случае поводом для снятия ответственности с правителя Галилеи. Нравственный долг царя состоял в том, чтобы не давать обещаний, которые могут легко закончиться убийством невинного человека. И этот долг был для него выполнимым¹⁴.

Однако невозможность выполнения одной из конфликтующих обязанностей может быть и подлинной. Например, такова ситуация выбора между людьми или группами людей, которые являются потенциальными объектами помощи либо спасения. Здесь обе сталкивающиеся обязанности порождены абсолютно независимым от действий их носителя положением других лиц. В той же нише находится знаменитый «случай с трамваем», в котором спасение одних людей возможно уже не за счет оставления в опасности других, а за счет причинения им ущерба¹⁵. Здесь одна из обязанностей порождена особым положением других лиц, а другая – тем уважением, которое мы должны оказывать каждому человеку независимо от привходящих обстоятельств. Наконец, существуют случаи, в которых одна из обязанностей порождена особым положением других лиц, а вторая – возникает как следствие принятия обязательства, столкновение которого с другими требованиями долга никак нельзя было предвидеть. Таков пример со спасением тонущего ребенка, участие в котором не дает спасителю явиться на заранее условленную встречу.

В свете правила предвидения и контроля во всех этих случаях можно утверждать, что *отсутствие возможности* реализовать две нравственные обязанности одновременно снимает с действующего лица ответственность за неисполнение той обязанности, которая оказалась более слабой. Говоря словами Канта, «Два противоположных друг другу правила не могут быть в одно и то же время необходимыми – если поступать согласно одному из них есть долг, то поступать согласно противоположному правилу не только не долг, но даже противно долгу»¹⁶. Относительная сила обязанностей (у Канта – «оснований для обязанностей») может определяться в этих случаях разными факторами: тяжестью нужды (страдания, беды) разных людей, особой уязвимостью кого-то из них, разными шансами на спасение или оказание эффективной помощи, количеством лиц, если речь идет о группах, наконец, разными потенциальными потерями самого действующего лица. Но если эта сила

¹⁴ Moore A. W. A Kantian View of Moral Luck // Philosophy. 1990. Vol. 65. № 253. P. 311.

¹⁵ Под «случаем с трамваем» (trolley) или под «проблемой трамвая» (trolley problem) принято подразумевать мысленный эксперимент, в котором стрелочник или водитель трамвая вынуждены принимать решение о направлении вагона в сторону одного либо пяти человек. В его исходной версии эксперимент предложен в 1960-х гг. Ф. Фут (Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of Double Effect // Oxford Review. 1967. № 5. P. 5–15).

¹⁶ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995. С. 279.

уже определена, то у действующего лица есть гарантированная возможность избавить себя от негативных моральных переживаний. Для этого достаточно следовать более сильной обязанности¹⁷.

Однако действительно ли формула «долженствование предполагает возможность» и правило предвидения и контроля представляют собой незыблемые аксиомы нравственного сознания? Уже анализ самых простых и незамысловатых сюжетов, связанных с феноменом «моральной удачи», показывает, что живой нравственный опыт не придерживается этих положений строго и систематически: случайное наступление или ненаступление последствий какого-то действия серьезно влияет на оценку совершившего его человека. Б.Уильямс анализирует в связи с этим так называемые «сожаления деятеля» (*agent-regrets*), возникающие в результате ненамеренного и непредвидимого ущерба. В качестве иллюстрации фигурирует пример с водителем грузовика, который без юридически фиксируемой вины сбил ребенка, перебежавшего дорогу. Это событие не было результатом намеренных действий водителя и выходит за общепризнанные пределы его личного контроля. Однако происшедшее было в некотором смысле *его* действием, которому предшествовал ряд *его* сознательных решений. Поэтому естественной реакцией водителя является желание, чтобы все обернулось иначе. У него появляются сожаления и раскаяние. Этот класс переживаний качественно отличается от тех сожалений, которые возникли бы у стороннего наблюдателя, а «желание компенсировать ущерб» не идентично простому сочувствию¹⁸. Более того, способность чувствовать свою ответственность в таких случаях является одним из критериев морального развития человека, а нечувствительность к ней – «своеобразным безумием»¹⁹. Т.Нагель рассматривает в связи с этим тенденцию превращения случайности в фактор, изменяющий степень итоговой виновности человека, создавшего угрозу другим людям по небрежности. Его пример касается нравственной оценки двух водителей, не проверивших перед выездом тормоза своих автомобилей. Перед одним из них неожиданно начал перебежать дорогу пешеход, а другой избежал такого стечения обстоятельств. Один превратился в неосторожного убийцу, другой так и остался небрежным водителем²⁰.

Конечно, обсуждаемые Т.Нагелем и Б.Уильямсом особенности моральной оценки могут быть восприняты как широко распространенный предрассудок, требующий разоблачения и коррекции. Однако дело в том, что и некоторые теоретические аргументы свидетельствуют в пользу того, что моральная ответственность действительно распространяется за пределы возможности предвидения и контроля. Обратимся к тем из них, которые могут быть использованы по отношению к случаям спасения большинства за счет оставления в опасности меньшинства или за счет причинения ему ущерба. Именно эти случаи прямо связаны с обсуждаемой нами проблемой меньшего зла.

В них обоснование необходимости вынужденного использования «дурных» средств осуществляется на основе двух линий рассуждения. Первая – указывает на то, что жертвы действий, квалифицируемых как меньшее зло, могли бы дать разумное согласие на такое к себе отношение. Вторая – на то, что нарушение прав жертв (лишение их неприкосновенного статуса) компенсируется заметным

¹⁷ Более подробный обзор этических проблем, связанных с принципом «долженствование предполагает возможность» см.: Прокофьев А.В. Долженствование и возможность // *Вопросы философии*. 2003. № 6. С. 69–83, а также: Прокофьев А.В. Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали. Тула, 2006. С. 121–147.

¹⁸ См.: Williams B.O. Moral Luck // *Williams B.O. Moral Luck*. Cambridge, 1982. P. 27–28.

¹⁹ *Ibid.* P. 29.

²⁰ Нагель Т. Моральная удача // *Логос*. 2008. Т. 64. № 1. С. 178. См. также: Черняк А. Моральная удача // *Логос*. 2009. Т. 70. № 2. С. 151–173.

увеличением соблюдения прав в общем зачете²¹. Однако обе линии рассуждения, обосновывающие необходимость оставления в опасности или причинения ущерба, не являются однозначным подтверждением позиции К.Нильсена. Они не устраняют возможности вести речь о выборе в пользу меньшего из зол, как о нравственно необходимом, но все же виновном деянии, или в иных, более мягких категориях, как о случае не зависящей от воли действующего лица потери им нравственной чистоты. Согласие, которое легитимизирует действия по предотвращению ущерба, – это гипотетическое и предварительное согласие на использование правила спасти большинство за счет причинения ущерба меньшинству. Каждый, кто в принципе может попасть в катастрофическую ситуацию и не знает заранее, к какой группе он будет принадлежать, мог бы разумно согласиться с таким правилом. Однако это гипотетическое согласие не дает никаких гарантий того, что в реальной ситуации меньшинство будет воспринимать свое положение в свете предварительного идеального моделирования. Это обстоятельство и придает действиям, совершаемым в отношении меньшинства, статус виновного деяния. С другой стороны, компенсация отказа от соблюдения неприкосновенности личности (или, говоря кантовским языком, «святости» права) выигрышем в отношении «соблюдаемости» прав является случаем установления баланса между такими ценностями, которые не являются до конца соизмеримыми. Хотя предотвращение масштабного вреда представляет собой достаточное моральное основание для причинения ущерба меньшинству, это действие продолжает выражать пренебрежение «святостью» права. Оно остается своего рода «вынужденным злодеянием»²².

Мне представляется, что типичные случаи использования логики меньшего зла в отношении вопроса об «остаточной виновности» представляют собой континуум, некоторые точки которого проанализированы в разных работах Б.Уильямса. На одном полюсе этого континуума находятся ситуации «трагического выбора», о которых можно сказать: «все, что ни выбери, будет неправильно». Такие, например, как выбор Агамемнона или героини романа У.Стайрона «Выбор Софи». Здесь присутствует максимальная степень «остаточной виновности», а основания, приводящие деятеля к выводу о том, что одна из линий поведения лучше другой, мало доступны для обсуждения в общезначимых категориях²³. На другом полюсе находятся случаи, в которых сохранение «морального осадка» «совершенно неуместно, ибо одно событие здесь очевидно является более важным, чем другое». Таков упомянутый случай с невыполнением обещания о встрече из-за участия в спасении ребенка. «Это не значит, конечно, что обещания... никогда не существовало... Вместе с тем, произошедшее, безусловно, отменяет данные ранее обязательства, так что другая сторона, коль скоро ей известны все обстоятельства, не в праве протестовать». Б.Уильямс полагает, что обязанность явиться на встречу автоматически трансформируется в другую, вполне выполнимую обязанность: обязанность объяснить с тем, чьи ожидания не оправдались²⁴. Иными словами здесь полноценно работает формула «долженствование предполагает возможность» и вытекающее из нее правило предвидения и контроля. Наконец, между этими полюсами находятся разнообразные

²¹ Разграничение ценности «неприкосновенности» для покушений и ценности «реальной защищенности» от них аналитически проработано Т.Нагелем. (см.: *Nagel T. Personal Rights and Public Space // Nagel T. Concealment and Exposure: And Other Essays. N.Y., 2002. P. 36–40*).

²² Развернутое представление этих аргументов см.: *Прокофьев А.В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого. С. 133–136*.

²³ См.: *Williams B.O. Ethical Consistency // Williams B.O. Problems of the Self. Cambridge, 1973. P. 173–174*.

²⁴ *Уильямс Б. Политика и нравственная личность // Мораль в политике. Хрестоматия / Сост. и общ. ред. Б.Г.Капустина. М., 2004. С. 431–432*.

ситуации, в которых исчерпывающая, общезначимая оправданность решения не исключает справедливого протеста пострадавшей стороны и возникновения эффекта «грязных рук». В них публичное объяснение своих действий (во внешнем плане) и сострадание их жертвам (во внутреннем плане) не являются достаточными. Подобающим ответом действующего лица могут быть только переживание вины и стремление скомпенсировать потери.

Итак, если с теоретической точки зрения такие явления, как «остаточная вина», «моральный осадок», эффект «грязных рук» не лишены оснований, то и обсуждение относительной практической действенности двух разных интерпретаций осознания совершаемого зла также имеет смысл. В связи с этим дополнение тех сдерживающих переживаний, о которых ведет речь К.Нильсен, переживанием потенциальной нравственной нечистоты, представляется мне чрезвычайно важным. Способность принимающего решения лица ко всему ряду этих эмоциональных реакций позволяет более эффективно блокировать эксцессы применения логики меньшего зла. Именно таково мнение Б.Уильямса, исследовавшего желательные для демократического общества личные характеристики человека, который занимается политикой. «Политическая благопристойность, – утверждает Б.Уильямс, – существует где-то между... цинизмом, которому даже отдаленно не виден нравственный Олимп, и абсурдной неспособностью понять, что если политика как вид деятельности существует хоть в каком-то виде, то некоторые моральные соображения должны уйти с ее пути. И если мы надеемся, что это срединное пространство будет когда-то освоено, то... нам нужно найти политиков, готовых придерживаться той точки зрения, что некоторые действия не перестают быть морально неприемлемыми, даже когда они являются политически целесообразными». Только такие политики «в случае реальной необходимости согрешить против нравственности идут на это прегрешение с неохотой... [и] воздерживаются от нарушения правил морали там, где в этом нет необходимости»²⁵. М.Игнатъевф, не обсуждающий подробно проблему характера переживаний, связанных с совершением меньшего зла, похоже, присоединяется к М.Уолцеру и Б.Уильямсу. Он высказывает мысль, что «обоснования, связанные с необходимостью, – риск, угроза, непосредственная опасность, – никогда не должны аннулировать нравственно проблематичный характер необходимых мер»²⁶. Именно это обстоятельство служит для него основой выбора в пользу формулировки «меньшее зло», а не «меньший ущерб»²⁷.

²⁵ Уильямс Б. Политика и нравственная личность. С. 436.

²⁶ Ignatieff M. *The Lesser Evil*. P. 18. Ряд критических соображений, касающихся переживания остаточной вины как средства предотвращения избыточного количества «нравственно проблематичных» решений, предложил С.Эксинн (*Axinn S. The Dirty-Hands Theory of Command // Axinn S. A Moral Military. Philadelphia, 2009. P. 143–146*). Его аргументы обращены к неопределенности концепта «вина» и к легкости имитации переживания вины в случаях, когда от такой имитации зависит будущая карьера политика. Однако это аргументы нельзя считать решающими, поскольку осознание совершаемого зла является лишь одним из аспектов смягчения негативных последствий применения логики меньшего зла. Меры, нацеленные на активизацию такого осознания, не стоит рассматривать как универсальное и безотказное средство. Недостатки одного способа сдерживания должны компенсироваться применением других (например, публичностью решений, на которую уповает сам С.Эксинн, и которую М.Игнатъевф рассматривает в качестве четвертой обязанности своей политической этики).

²⁷ Специального анализа в связи с этим требует критическое замечание Э.Коуди о том, что эффективными решения о совершении меньшего зла будут только при условии создания специальной инфраструктуры, делающей их воплощение возможным. Так решение о применении пытки будет действительно только в том случае, если профессионалы-дознатели будут готовы к квалифицированному ее применению. Это значит, что они должны пройти специальную подготовку, а участие в ней создает все основания для рутинизации пытки и нечувствительности к моральному характеру этого действия (*Coady C.A.J. Engagement in Evil*. P. 90).

Осознание совершаемого зла: возможности институционализации

В связи с представленным выше рассуждением возникает вопрос: можно ли выразить охарактеризованные выше подходы к осознанию меньшего зла непосредственно в устройстве государственных институтов? Некоторые исследователи полагают, что это возможно. В центре их внимания находится интересный прецедент, касающийся предельно актуальной для конкретного национального сообщества проблемы. В 1987 г. в Израиле была создана комиссия во главе с председателем Верховного суда М.Ландау для расследования практики дознания израильской службы безопасности Шабак (Шин Бет) по отношению к подозреваемым в террористической деятельности. Она пришла к выводу, что существуют три возможных способа реагировать на проблему применения к подозреваемым в терроризме «умеренных средств физического воздействия» в тех ситуациях, когда это может привести к предотвращению убийства или к получению жизненно важной информации о террористической организации. Первый – признание того, что борьба с террористической угрозой находится за пределами законодательного регулирования – в некой «сумеречной зоне». Она требует создания автономного «квази-законодательства» для контртеррористических агентств, которое должно функционировать вне конституционных рамок и вне общественного контроля. Этот путь абсолютно неприемлем для любого либерально-демократического общества. Второй – предписать контртеррористическим агентствам полное соответствие существующему законодательству, построенному на основе святости прав человека. Этот путь годится лишь для самоубийц или лицемеров. Приняв его, придется закрывать глаза на то, что неизбежно будет происходить под поверхностью внешней законопослушности. И, наконец, третий способ – создать на основе существующего законодательства такую нормативную основу для деятельности антитеррористических агентств, которая учитывала бы все ее моральные дилеммы и трудности. В том числе то обстоятельство, что члены террористических сетей, имеющие доступ к информации, позволяющей спасти жизни многих граждан, как правило, хорошо подготовлены к противодействию следствию, что они ожидают скорого обмена заключенными, широко практиковавшегося в Израиле, и т. д. и т. п. Комиссия пошла по третьему пути и попыталась обосновать применение мер физического воздействия на основе положений УК Израиля, связанных с крайней необходимостью. Действия дознавателя, сопряженные с применением таких мер, регулировались при этом нормами должностного распорядка, собранными во второй части доклада комиссии, и превращались в объект строгого внутреннего и внешнего контроля²⁸.

Позднее, в 1998 г., в ответ на многочисленные претензии к деятельности секретной службы Верховный суд Израиля занялся всесторонним правовым и этическим анализом решений комиссии Ландау. Прежде всего, он задался вопросом: «Создает ли норма о крайней необходимости основу для соответствующих властных полномочий дознавателя Шабак (Шин Бет), осуществляющего свои должностные обязанности? Согласно позиции государства, из положения о крайней необходимости, к которому дознаватель, обвинен-

²⁸ См.: Commission of Inquiry Into the Methods of Investigation of the General Security Service Regarding Hostile Terrorist Activity (1987) // Israel Law Review. Vol. 23. № 1–2. P. 182–186. См. также более поздний документ: Israel's Interrogation Policies and Practices (Israel Ministry of Justice, December, 1, 1996) // URL=[http://www.israel-mfa.gov.il/mfa/government/law/legal issues and rulings/israel-s interrogation policies and practices-de](http://www.israel-mfa.gov.il/mfa/government/law/legal%20issues%20and%20rulings/israel-s%20interrogation%20policies%20and%20practices-de)

ный в уголовном преступлении, имеет право прибегать *post factum*, можно вывести предварительно утвержденное законное полномочие, дающее ему возможность применять физические методы дознания. Однако верна ли эта позиция?»²⁹. В конечном итоге суд не согласился с мнением юридических представителей государства, дополнив список способов законодательного реагирования на террористическую угрозу, содержащийся в докладе комиссии Ландау, четвертым пунктом. Судьи Верховного суда сослались на природу института крайней необходимости, действующего исключительно в пределах неожиданно возникающих экстремальных ситуаций и потому не позволяющего формировать на его основе административное регулирование, и оставили применение мер «умеренного физического давления» в числе тех инициативных действий дознавателя, которые влекут за собой последующие правовые процедуры. Совершение таких действий в определенных обстоятельствах может рассматриваться судом (или прокурором) как повод для снятия юридической ответственности или для ее существенного смягчения, но оно не может быть представлено в качестве исполнения заранее известных должностных обязанностей.

Израильский политический философ Т.Майсилс предположила, что во втором случае была институционально реализована установка сторонников концепции «грязных рук», тогда как в первом случае имело место воплощение более простого и прямолинейного понимания меньшего зла. Основанием этого утверждения является то, что Верховный суд отказался признать *проспективную* оправданность «умеренного физического давления», однако допустил возможность *ретроспективного* освобождения дознавателя, прибегнувшего к нему, от юридической ответственности. Это, по мнению Т.Майсилс, идентично признанию извинительности действий последнего, что предполагает не всестороннюю «моральную реабилитацию деятеля, а всего лишь то, что дознаватель освобожден от полноты юридических последствий нарушения нравственных и правовых норм». При этом тот, кто был не оправдан, а всего лишь извинен, имеет все основания для переживания вины за собственные поступки³⁰.

Мне представляется, что вывод Т.Майсилс, касающийся израильских юридических решений, излишне радикален. Дело в том, что вопрос «грязных рук» связан по преимуществу с моральными переживаниями, а они могут иметь место или отсутствовать при самом разном устройстве правовых институтов. Максимум, что можно утверждать в этом случае, это то, что в ситуации, когда в соответствии со структурой институтов вопрос об оправданности решения даже не поднимается, поскольку оно соответствует закону и должностным инструкциям, остается заметно меньше индивидуально-психологических оснований и возможностей для переживаний, связанных с «моральной ценой» поступка. Напротив, если оправданность уже принятого и реализованного решения до последнего момента остается под вопросом, таких оснований и возможностей больше. Это служит дополнительным, косвенным аргументом в пользу позиции, занятой Верховным судом Израиля. Но не более того.

Однако существует другой, не обсуждаемый Т.Майсилс аспект описанного выше израильского прецедента, который имеет гораздо более существенное значение для проблемы осознания вынужденно совершаемого зла.

²⁹ См.: Public Committee Against Torture v. Israel, HCJ 5100/94 // Israel Law Reports 567. 1999. P. 32 (URL:http://elyon1.court.gov.il/files_eng/94/000/051/a09/94051000.a09.pdf).

³⁰ Meisels T. Torture and the Problem of Dirty Hands // Canadian Journal of Law and Jurisprudence. 2008. Vol. 21. P. 149–173.

Дело в том, что в современном общественном разделении труда существует целый ряд профессий, которые требуют от своих членов совершать меньшее зло более или менее систематически. Эти профессии служат, так сказать, социальным воплощением логики меньшего зла. Этические кодексы таких профессий опираются на специальные интерпретации общего нравственного долга, снижающие его планку. Подобное раздробление общей моральной нормативности необходимо для эффективного исполнения профессионалами своего долга. Однако оно затрудняет требуемое М.Игнатъеффым непрекращающееся осознание того, что совершаемые ими действия представляют собой именно зло. И даже более того, постоянная рефлексия по поводу совершаемого зла (даже если оно «меньшее») неизбежно парализует деятельность профессионала. Она делает его менее эффективным исполнителем полезной социальной роли. Поэтому дизайн правовых институтов должен блокировать две параллельных угрозы: угрозу рутинизации совершения меньшего зла и угрозу эмоционального паралича перед лицом необходимости его совершения. Решения комиссии Ландау и решение израильского Верховного суда представляют собой два разных ответа на данную проблему. Их необходимо оценивать именно в перспективе сохранения равновесия между неизбежным раздроблением моральной нормативности и сохранением чувствительности профессионала к применению нравственно сомнительных средств. Если решение Верховного суда является более оправданным в нравственном отношении, то его преимущества должны быть доказаны, прежде всего, в этом отношении³¹.

³¹ Предварительная попытка проанализировать израильский опыт борьбы с терроризмом в таком аспекте предпринята автором данной статьи в работе «“Меньшее зло” и профессионально-этическая партикуляризация морали» (Медиаскоп: Электронное издание факультета журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова. 2009. № 4. URL:<http://www.mediascope.ru/node/495>).